

На уезд

Чжан Вэньхай довольно долго корпел над своими палочками, пока, наконец, не поднял голову:

— Брат Чу, я сосчитал. Вышло двести пятьдесят шагов. Верно?

— Верно. А если изменить условие: пусть у Сяо Мина будет тысяча шагов, а у Сяо Гана — шестьсот? — продолжил допрос Чу Цы.

Вэньхай на миг замер и уже потянулся было к кисти, чтобы снова чертить линии, но юноша остановил его:

— А если десять тысяч против шести тысяч, что тогда? Снова будешь рисовать? В счёте важно уловить суть. Посмотри на задачу иначе: Сяо Мин быстрее Сяо Гана на сорок шагов за один промежуток времени. Коли Сяо Ган вышел раньше и успел пройти сто шагов, то Сяо Мину потребуется два с половиной таких промежутка, дабы нагнать его. Умножь скорость первого на это время — и получишь искомые двести пятьдесят шагов.

Собеседника словно озарило.

— Вот оно что! Значит, для тысячи шагов ответом будет две тысячи пятьсот, а для десяти тысяч — двадцать пять тысяч! Стоит лишь один раз постичь правило, и какие бы числа ни подставляли в задачу, решение всегда будет под рукой!

— Именно так, — кивнул Чу Цы. — Я напишу тебе ещё несколько примеров, но старым способом больше не пользуйся. Прежде чем браться за кисть, сперва хорошенько всё обдумай.

Он видел, что Вэньхай на самом деле довольно сообразителен, просто его привычка к зубрёжке мешала живости ума. В последующие дни Чжан Вэньхай буквально вгрызся в математику. Под руководством наставника он познакомился со старым крестьянином, запершим в одной клетке кур и кроликов; узнал о вольнонаёмных рабочих, делящих между собой постройку моста; и даже о пахаре, который умудрялся одновременно выкачивать воду из верхнего поля и заливать её в нижнее. И все эти люди, словно по какому-то негласному сговору, откликнулись на имя Сяо Мин.

Приятель был в крайнем недоумении. Однажды он сказал Чу Цы:

— Этот Сяо Мин, должно быть, человек поистине необъятной учёности и великой страсти к цифрам! Он в одиночку породил столько хитроумных задач... Его упорство вызывает искреннее восхищение!

Юноша не удержался от смеха:

— Пожалуй, ты прав. Его можно назвать человеком исключительным.

Вечный школьник Сяо Мин — во всей стране не нашлось бы ни одного человека, который не знал бы этого имени.

Спустя неделю усердных занятий Вэньхай снова взял экзаменационные листы прошлых лет. К своему удивлению, он обнаружил, что больше не чувствует прежней растерянности. Ему не нужно было тратить часы на громоздкие и ненадёжные вычисления — овладев методом, он щёлкал упражнения одно за другим.

Чу Цы тоже не сидел без дела. По его расчётам, двухсот вопросов по «Тецзин» должно было хватить, чтобы охватить всё, что могли спросить на уездном экзамене. Слишком простые или безнадежно устаревшие темы он в сборник не включал. Раздел «Мои» требовал большего разнообразия в формулировках, так что сотни вопросов было в самый раз. С математикой было ещё проще: юноша решил дать по одной типовой задаче с подробным разбором и по три примера для самостоятельного закрепления на каждый вид условий.

Трудности возникли с поэзией и одами. У него уже появились кое-какие намётки, но после нескольких пробных попыток результат показался неудовлетворительным, и он не стал невольничать.

Наступило двадцать восьмое ноября. Чу Цы решил завтра же отправиться в уездный город, чтобы посоветоваться с наставниками из уездного училища и привести свои мысли в порядок.

Узнав, что товарищ едет готовиться к годовому экзамену, Чжан Вэньхай тут же загорелся:

— Брат Чу, я поеду с тобой! Давно я не виделся с друзьями из уезда. Самое время навестить их и, возможно... состязаться в знаниях.

Чу Цы заметил азартный блеск в глазах друга и понял: «навестить старых друзей» — лишь предлог. На самом деле Вэньхаю не терпелось показать, чего он достиг. В своё время он ушёл из академии Цишань не совсем по своей воле — его вечные вздохи из-за неудач настолько портили атмосферу в учебном заведении, что наставники предпочли бы его не видеть. К тому же некоторые заносчивые студенты презирали его за происхождение, то и дело поминая, что он сын торговца, из-за чего не раз вспыхивали ссоры.

Теперь же, проучившись у Чу Цы, тот чувствовал, что его знания окрепли, и жаждал взять реванш, восстановив попорченное достоинство. Юноша не возражал: дорога не принадлежала ему одному, а ехать в компании Вэньхая было даже выгодно — можно и в повозке место занять, и с жильём в городе проблем не будет.

К тому же лавочник Лу, вернувшись из последней поездки в уезд, передал ему пятьдесят лянов серебра. После этого сумма, полученная под принуждением, перестала так сильно тяготить его душу. Эти деньги он передал старосте деревни, который заезжал в городок по делам, и велел старшему брату присмотреться: не продаёт ли кто в Чанси или поблизости землю. Свои поля — это залог спокойствия для любого пахаря. Семья Чу не была создана для торговли, а вот несколько му земли, да при его звании сюэца, освобождавшем от налогов, могли обеспечить всем сытую и достойную жизнь.

На этот раз они наняли конный экипаж — путь предстоял неблизкий, и мулу было бы не под силу тащить тяжело нагруженную повозку. Казённый тракт оказался на удивление ровным, и Чу Цы даже не почувствовал той качки, от которой страдал в прошлый раз. Он с облегчением подумал, что если так пойдёт и дальше, то долгая дорога в столицу на будущие экзамены не превратится в сплошное мучение.

Чжан Вэньхай попытался было выглянуть в окно, чтобы полюбоваться видами, но холодный ветер быстро заставил его задернуть занавеску. Он посмотрел на Чу Цы, который сидел рядом с закрытыми глазами, и вдруг спросил:

— Брат Чу, не мог бы ты задать мне ещё пару вопросов?

— Неужто растерял уверенность? — юноша открыл глаза и с улыбкой посмотрел на друга.

Вэньхай на миг смутился — под этим пронзительным и мудрым взглядом ему казалось, что все его тайные помыслы видны как на ладони.

— Есть немного... — признался он. — Особенно я беспокоюсь о поэзии и сочинениях, ведь мы их ещё толком не разбирали.

— Я видел твои стихи, — мягко произнёс Чу Цы. — Рифма в них безупречна, а слог полон смысла. На самом деле они весьма недурны.

Это была чистая правда. В своём мире он изучал теорию стихосложения, но по сравнению с людьми, выросшими на классической поэзии, его собственное мастерство оставляло желать лучшего. Приятель заметно приободрился — наконец-то нашлось хоть что-то, в чём он был хорош. Что касается сочинений «цзавэнь», то в обычных спорах между книжниками до них дело доходило редко — слишком уж много времени требовалось на написание достойной статьи.

Тут в голове у Чу Цы созрела одна лукавая мысль. Он прищурился и сказал:

— Коли ты всё же сомневаешься в своих силах, я могу поделиться с тобой одним верным

секретом победы. Хочешь?

Вэньхай просиял:

— Конечно! Прошу, брат Чу, не томи, я весь во внимании.

— Подойди поближе.

Юноша что-то прошептал ему на ухо. Чжан Вэньхай замер в изумлении, а спустя долгое время выдохнул с глубочайшим почтением:

— Брат Чу... то, что ты сейчас поведал, я слышу впервые в жизни. Твой талант поистине не знает границ!

Тот лишь небрежно отмахнулся:

— Да брось ты, какой там талант. Просто вспомнил кое-что из чужих мудростей.

В глазах друга обожание достигло предела: такой выдающийся человек — и такая скромность! Поистине, его наставник был никем иным, как земным воплощением мудреца.

Когда повозка приблизилась к городским воротам, Чу Цы отодвинул занавеску. Стены уезда Юаньшань были куда выше и внушительнее тех, что он видел в городке, а стражников в карауле было вдвое больше. Перед въездом выстроились две очереди. Солдаты внимательно сличали лица прохожих с рисунком на стене. Большинство пропускали беспрепятственно, лишь нескольких бородатых мужчин отвели в сторону для допроса.

Въехав под арку ворот, юноша увидел тот самый рисунок. На нём был изображен мужчина лет тридцати, разыскиваемый за грабежи. Художник наградил преступника такой густой бородой, что за ней совершенно не было видно черт лица.

Чжан Вэньхай покосился на портрет и пробормотал:

— Глаза режет. — Этому выражению он тоже научился у Чу Цы, который объяснил, что так говорят, когда что-то выглядит до того скверно, будто в глаза попал жгучий перец.

Чу Цы же подумал, что с таким художеством поймать кого-либо было делом почти невозможным. Если бы в этом мире не существовало строгой системы подорожных грамот и регистрации по месту жительства, девять из десяти преступников оставались бы на свободе. Слишком уж абстрактным был этот «фоторобот».

Пока юноша разглядывал объявление, стражник бросил на него свирепый взгляд. Однако, заметив на нём синюю мантию сюэя — «ланьшань», — воин тут же смягчился. Извинившись перед караульным, Чу Цы поспешил за Вэньхаем. Они снова сели в экипаж и доехали до развилки.

— Здесь я, пожалуй, сойду, — сказал он.

— Брат Чу направляется в уездное училище? — товарищ знал эту дорогу.

Училище располагалось в переулке Синего камня. Своё имя он получил из-за того, что вся мостовая здесь была выложена массивными плитами тёсаного камня. Годами тысячи студентов топтали эти камни в поисках знаний, и тысячи мужей уходили отсюда к вершинам славы. В народе это место прозвали Дорогой учёных. В конце переулка высилась каменная стела, на которой были высечены имена всех уроженцев уезда Юаньшань, добившихся высокого звания. Своего рода доска почёта.

Попрошавшись с другом, Чу Цы довольно долго стоял у стелы. Он понял, что по меркам империи их уезд считался довольно слабым в плане успехов на экзаменах — до просвещённых земель Юга им было далеко. В ту эпоху, если в столице узнавали, что ты приехал из Цзяннани, на тебя сразу смотрели с уважением. Шутка ли — выделиться среди тысяч претендентов в крае, где каждый второй — знаток канонов. Это совсем не то же самое, что обойти сотню-другую соседей.

Имени прежнего владельца тела на стеле ещё не было. Хотя он и стал самым юным сюэем в истории уезда, для того чтобы попасть на камень, требовалось звание как минимум цзюйжэня. Но Чу Цы был уверен: пройдут два года — и его имя обязательно будет здесь высечено.

— О, неужели это сам знаменитый сюэяй Чу? Что, раны уже затянулись? Помнится, когда тебя выносили из уездной темницы на носилках, я как раз сидел в кабаке неподалеку и всё видел. Казалось, дело твоё совсем худо...

Из ворот училища вышла группа книжников. Тот, что стоял впереди, смотрел на юношу с нескрываемой насмешкой, и в каждом его слове сквозил яд.

<http://bllate.org/book/15354/1420301>